

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## РЕЦЕНЗИИ

**Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол.** Под ред. Аванесова Р. И., Иванова В. В.—М.: Наука, 1982. 436 с.

Рецензируемый том, подготовленный силами сотрудников Института русского языка АН СССР, в основном Сектора истории языка и диалектологии, описывает историю развития грамматических категорий и форм глагола, начиная с эпохи древнейших памятников древнерусского языка до XVII в. включительно, в первую очередь — форм словоизменения — парадигматики.

Представленная вниманию читателей историческая грамматика в целом отвечает тем требованиям, которые можно было бы предъявить к работам академического типа: концептуальность, охват всех сторон системы языка, опора на предшествующую научную традицию. Материал разных глав в ней рассматривается в рамках в целом единой композиционно-концептуальной структуры: за исходную принимается система русского языка эпохи конца X — начала XI в. — эпохи после утраты носовых и до смягчения полумягких согласных. Хотя опорные точки исходного периода — моменты истории фонетической системы древнерусского (общевосточнославянского) языка, а не ожидаемой морфологической, выбор его в качестве исходного не может вызвать возражений, поскольку именно к этому времени относится появление древнейших письменных памятников русского языка — главных источников исследования.

Далее эволюция форм глагола (форм времени, наклонения, вида, причастий) прослеживается в рамках древнерусского (общего всем восточнославянским языкам) периода (XI—XIV вв.) и старорусского (XV—XVII вв.) периода. Подобное деление едва ли вызовет возражение у историка языка, поскольку объективно установлено, что в XIV—XV вв. происходит формирование самостоятельных восточнославянских языков. Такая единая композиционная структура и принятая концептуальная схема в целом соблюдается авторами разных разделов (В. В. Ивановым — история временных форм, В. Н. Белоусовым — история форм повелительного и сослагательного наклонений, В. Б. Силиной — история категорий глагольного вида, И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко — история причастий), что придает работе характер не сборника, а коллективного монографического исследования.

Что касается полноты охвата системы языка, грамматических категорий гла-

гольного лексикона в ее истории, то здесь можно отметить известные лакуны.

Если достаточно подробно и полно изложена история временных форм, морфологическая схема выражения глагольного вида, история причастий, намечена классификация глаголов в исходной системе, то обойдены вниманием супин, инфинитив, залог. Из иллюстраций книги видно, что супин сохранялся в памятниках еще в XIV в. и начале XV в. (см. с. 208, 223). Ничего не говорится в грамматике об эволюции форм инфинитива в чисто морфологическом плане, а также форм *л*-овых причастий. Залоговым отношениям (действительный, страдательный, средний залог) уделено определенное внимание лишь при описании истории причастий, т. к. формы выражения залоговых отношений в глагольном имени довольно явственно морфологичны — суффиксы. Но в спрягаемых формах эти отношения также выражались, и предметом рассмотрения могло бы явиться прослеживание постепенного перехода от лексикализованного местоимения *сѧ* (возможны вариации — *себе*, *си* в свободной синтаксической позиции: в пре- и постпозиции дистантной и контактной) к морфологизованной частице — аффиксу *сѧ*.

Использование в книге богатейших словарных исторических картотек Института русского языка АН СССР [1, 2] позволило уточнить хронологию ряда процессов в исторической морфологии русского глагола, наметить и выразить более определенное мнение об их жанрово-стилистической принадлежности книжно-славянскому или народно-литературному типу древнерусского и старорусского языка, пользуясь терминологией В. В. Виноградова. Список использованных источников (с. 417—433) насчитывает более 360 названий, количество же источников несравненно большее, т. к. одно название (например, акты) включает в себя не один десяток самостоятельных документов (источников). Среди них главное место принадлежит публикации, но весьма внушительный процент рукописных оригиналов. Их в числе 360 названий более 100, включая рукописные собрания научных материалов: картотеки упомянутых выше исторических словарей русского языка, Словаря современного русского литературного языка, Псковского областного словаря, материалы Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Широко использованы публика-

ции старых текстов (в основном старорусских), подготовленные специалистами различного профиля: историками, лингвистами, филологами. Последние наиболее информативны, т. к. в передаче оригиналов удовлетворяют запросы не только исследователей исторического синтаксиса и морфологии, но также и фонетики, а некоторые явления исторической морфологии нельзя объяснить, не привлекая данных фонетики. Среди привлеченных источников особо следует выделить публикации древнерусских и старорусских текстов, подготовленные сотрудниками Сектора лингвистического историко-филологического Института русского языка АН СССР. К сожалению, в книге не используются рекомендованные издателями сокращения этих публикаций, причиной чего является следование перечням источников для исторических словарей русского языка [3, 4].

Список использованных исследований (с. 412—417), ссылки на которые в тексте работы даны весьма компактно и экономно (с указанием автора и года издания), включает 125 названий. Здесь все основные отечественные курсы по истории русского языка (Н. Н. Дурново, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, П. С. Кузнецова, В. В. Иванова), однако нет ни одного зарубежного — В. Р. Кипарского, К. Г. Мейера, В. К. Мотыуса, содержащих разделы по морфологии глагола. Список не дает представления о библиографии вопроса, изучать по нему историографию вопроса нельзя. Да и в соответствующих главах книги историко-библиографический раздел отсутствует. По-видимому, он представлялся авторам книги ненужным. При наличии в перечне «Исследования» работ по современному языку и общетеоретическим проблемам русистики мы не найдем в нем обобщающих монографических работ (не говоря о стайном материале) по отдельным аспектам глагольной морфологии, хотя в предисловии (с. 3—4) говорится об использовании монографических исследований и даже диссертаций (кандидатских и докторских).

Книга состоит из Введения и разделов: Классификация глаголов в исходной системе; История временных форм глагола; История форм повелительного наклонения; История форм сослагательного наклонения; История категорий глагольного вида; История причастий. К книге прилагаются списки цитируемых исследований и использованных источников.

Во Введении дается общая характеристика основных положений исторической морфологии и исходной морфологической системы, описание принципов ее реконструкции и частей речи в ней (конец X — начало XI в.). От этой исходной точки начинается отчет эволюции явлений в различных разделах книги.

Принципы классификации глаголов в исходной системе, предложенные В. Б. Силиной, не вызывают в целом возражений. Выделяются по соотношению претеритальной основы (прич. на -лъ) и презенса (3-е л. мн. ч.) пять суперклассов и 12 классов. Они охватывают всю из-

вестную нам глагольную лексику исходной системы. Следует сказать, что подобные опыты классификации на материале древнерусского языка XII—XIII вв. предлагались и ранее [5] (с выделением 3 суперклассов и 8 классов). Тем не менее следует признать, что все многочисленные опыты классификации древнерусского глагола не вошли в учебно-практический обиход, в то время как классификация А. Лескина, выделившая всего 5 классов (не 12!) и имеющая проекции на современные русские спряжения, не теряет и до сих пор своего учебно-прикладного значения. Не представляется достаточно удачным выбор прич. на -лъ как репрезентанта претеритальной основы ввиду фонетических преобразований в причастиях консонантных исходов основ.

В разделе о временных формах глагола дается обзор истории форм простых и сложных времен сначала в исходный, а затем древнерусский и старорусский периоды. В этом разделе, как и в других, освещение явлений протекает на сравнительном старославянском (ретроспективный аспект) и диалектном русском фоне, показывающем сохранение в позднейший период архаических форм в народно-разговорном языке. Рассмотрение материала по двум периодам (древнерусскому и старорусскому) представляется внутрисистемно оправданным лишь в отношении аориста, имперфекта и преждебущего. Что касается других времен (перфекта, плюсквамперфекта, презенса), то рубеж XIV—XV вв. не является одновременно рубежом их истории. Высказанное замечание кажется тем более справедливым, что, например, раздел История форм настоящего времени в XV—XVII вв. (с. 117—124) построен исключительно на диалектном материале по той причине, что письменные памятники XV—XVII вв. не добавляют ничего принципиально нового к древнерусскому периоду. Морфологические и фонетические явления рассматриваются в тесном единстве и взаимозависимости. В необходимых случаях привлекается арсенал фонетических объяснений (*имаш* < *имаси* в Псков. прологе 1383 г. — как отражение смещения <с> и <ш> — с. 52). Довольно четко очерчиваются хронологические рамки отдельных морфологических явлений. Привлекаются сравнительные данные родственных восточнославянских языков: старобелорусского и старобелорусского. Предлагается подчас оригинальное истолкование морфологических явлений, учитывающее слабые стороны предшествующих интерпретаций. Так, <т> в 3-м л. презенса глаголов объясняется особой фонетикой флексий, когда <т'> становится избыточным (с. 65). Принципиально верны такие исходные предпосылки, как «запаздывание» письменных памятников с фиксацией процессов народно-разговорного языка (с. 90) и осознание неполноты отражения языковых явлений в письменных памятниках (с. 38).

Несколько замечаний по разделу о временах. При анализе аналитических форм будущего времени с *хотѣти* + *инфинитив* следовало бы выделить особо случаи несогласования: *хощетъ быти днѣс чю-*

беса — ДД 1377, 61 (с. 113) и явной семантической оппозиции: *хочемъ померети отъ глада*, т. к. они ярко свидетельствуют о десемантизации и усилении связочных функций у глагола *хотѣти*. Сомнительно, что выражения *а онъ возьми и поиди*, *а онъ возьми и побегги* говорят в пользу сохранения старых аористных форм (с. 91). Известны более выразительные примеры пережиточных форм аориста, совпавших с повелительным наклонением: «Но скворушка, услышь, что хвалят соловья... и думает» (Крылов); «Отец мой ему и полюбись: что прикажешь делать?» (Тургенев) [6—7]. По-видимому, в истории русского языка дело обстояло таким образом, что в определенный период старые аористные формы преобразовались в формы повелительного наклонения в связи с общей поздней трансформацией значений форм повелительного наклонения в сфере разговорной речи. К числу текстов XVII в., где находили еще применение формы аориста, следует причислить не только летописи (см. с. 125), но также грамотки (частные письма) и некоторые деловые тексты, в которых еще sporadически встречаем аорист в церковных штампах и формулярах: *ω сем писасъ Данилако Берестовъ; судомъ бжїимъ отецъ мой преставися (1669 г.)* [8]; *престависъ здѣ в Праге граѣ Таженски (1628 г.)* [9, с. 118]. Формы *помре*, *умре* можно встретить и в современном городском просторечии.

По тому же плану, что и временных форм, строится описание истории форм повелительного и сослагательного наклонений (с. 132—157). Раздел наполнен интересным, содержательным материалом, убеждает своими интерпретациями. Позволим себе лишь одно контрсоображение по этому разделу. Полагаем, что повелительное наклонение от *бѣти* и *дати* не могло употребляться в значении изъявительного (с. 138). Экспансия флексий презенса, свойственных тематическим глаголам (*бѣшь*, *дашь*), могла привести к сближению форм презенса и императива только по звучанию, но не значению.

По-новому (в морфологическом плане) освещается в книге история категории глагольного вида (с. 158—279). Совершенно обоснованно принята ориентация на описание морфологического механизма глагольных видовых корреляций в истории русского языка. Содержательная сторона глагольного вида (значения видов и способов действия) оставлена в стороне, поскольку может явиться предметом специального исследования в работе иного плана. Главным объектом рассмотрения оказывается суффиксация как средство имперфективации, не осложненное, в отличие от приставок, никакими вневидовыми лексическими значениями. Нельзя не согласиться с принципиальной позицией автора раздела, считающего вид категорий не словоизменительной, а лексико-грамматической (с. 247). Устанавливается, что кульминацией в развитии суффиксальной имперфективации было расширение функций неоднородного и способного присоединяться к основам любого строения суффикса *-ива* (*-ыва*) как

специфически древнерусского средства имперфективации, получившего дальнейшее развитие в старорусский период. Интересны размышления вслед за Ю. С. Масловым наблюдения над так называемым кратно-перфективным употреблением имперфекта глаголов совершенного вида как явлением живого древнерусского разговорного языка (с. 194 и сл.). Определяется, что в период до завершения формирования современной категории вида действовала тенденция к дополнительному распределению членов корреляции по временам (с. 196 и сл.). Делается вывод о том, что со становлением формы будущего времени несовершенного вида (*будетъ собиравать*) сформировалась и та видо-временная система русского языка, которая представлена в его современном состоянии (с. 197 и сл.), когда каждый коррелят получает полную самостоятельную парадигму форм времени и принцип дополнительной дистрибуции нарушается. Отмечены случаи контаминации корреляций, расширения коррелятивного ряда за пределы пары глаголов и создания усложненных трех- и четырехчленных корреляций (*сѣкути* — *сѣкупати* — *сѣкупляти* — *сѣкупивати*, с. 227, 232). Автор приходит к выводу, что современные видовые корреляции могли сложиться не ранее XVII в.

Выскажем несколько соображений по видовому разделу. Не везде достаточно учитывается возможная двойственность грамматической интерпретации форм, например, *въпрощевати* виду наличия <ш> могло быть образовано от *въпрашати* с выравниванием корневого чередования *а* → *о* (с. 173). Кстати, вопросу о чередовании согласного в исходе основ с суф. *-ива* уделено недостаточно внимания. Между тем здесь целесообразны поиски ответа на вопрос: что влияло — аналогия с формой 1-го л. ед. ч. презенса или наличие промежуточного имперфектива на *-ја*. Некоторые глагольные формы восстанавливаются умозрительно, без документирования материалом письменных памятников: *\*умърти* (реально *умръти*), *\*поърти*, *\*начърти* < *начърпти* (реально *начърпнути*), *\*истьрти* (с. 228). Глаголы на *-пр* могли означать не только мгновенно-одноактный способ действия, но также и процессуальность (ст.-сл. *сѣхнѣти*, др.-руск. *сѣхнути* — с. 178). Не всегда учитывается взаимопроникновение парадигм, действовавшее уже в исходной системе виду недостаточности ряда парадигм (с. 162, 164). Хотелось бы видеть в разделе некоторые соображения об особенностях поведения заимствованных глаголов в отношении морфологического механизма русского глагольного вида.

Раздел об истории причастий построен несколько иначе, чем другие, в нем нет выделения древнерусского и старорусского периодов. Богато оснащенный материалами сплошной выборки из целого ряда памятников, прилагаемых самостоятельным списком, результатами статистических подсчетов, отраженными в весьма информативных сводных таблицах, разнообразным диалектным материалом, раздел тесно увязывает все это с той карти-

ной эволюции причастных форм, которая выявлена на основании письменных памятников. Много внимания уделено не только формальному варьированию (а это главное), но и синтаксической роли причастий в предложении, а последняя тесно связана с морфологией причастий. Не забыта и жанрово-стилистическая дифференциация текстов, в которых представлена эта морфологическая категория в целом книжного происхождения. Прослеживаются история и пути появления неизменяемых форм — современных деепричастий. Фиксируются примечательные явления грамматической индукции (внешнего уподобления по флексии — *рѣша пришедѣша* — с. 304 и др.), где проявляется взаимодействие синтаксиса и морфологии. Показаны следы разрушения старославянского оборота «дательный самостоятельный», когда причастие с флексией -у становится обобщенным его показателем (с. 362). Подробно анализируются различные аспекты употребления страдательных причастий прошедшего времени в функции сказуемого в русских говорах (с. 386 и сл.) и отражения этого морфолого-синтаксического явления ранее в памятниках письменности. История причастий, таким образом, показана через призму многочисленных и разнообразных явлений — от связанных с фонетикой до обусловленных контекстом.

Основное возражение по этому разделу вызывает отнесение форм с частицей (приставкой) *не-* к числу причастных образований, а также общее освещение процессов адекватации причастий. Мы не склонны признавать формы с *не-* (*невъздержаемъ, невзыскаемъ, недоумѣаемыи*, с. 368 и под.) причастиями, поскольку они, во-первых, не имеют (за редким исключением: *недоумѣаеши* сг [10]) спрягаемых форм и, во-вторых, формально отождествались от парадигмы словозменения глагола. Заместителями *не-* могут выступать полнозначные именные основы, ср. *очевидно и приспопониши* (с. 369) — наречное образование и прилагательное-компонит, без достаточных оснований, на наш взгляд, занесенные в категорию причастных форм. Следовало бы отметить, что адекватация полных форм причастий протекает не только путем изменения грамматической семантики (*вѣрующая грамота* «грамота, предьявителю которой надо верить, доверять»), но и способа образования, когда причастие отрывается от глагольной парадигмы, сохраняя причастный суффикс, но становясь формально прилагательным, ср. *вѣрущихъ* (= верующих) (1627—1628 гг.) [9, с. 104]; *вѣрущую грамоту* (1643 г.) [11]. Не исключены случаи, когда причастие отрывалось от глагола и присоединялось к прилагательному лексическая антитеза и одновременно сходство с инфинитивной основой, ср. случаи типа *орамая* (вм. *оремая*) *земля* (с. 367) по аналогии с *орати* «кричать». Авторы раздела прошли мимо формальных особенностей древнего прилагательного *орамая* (*земля*).

В заключение следует сказать, что рецензируемая книга является первым серьезным академическим трудом по истории

русской морфологии глагола. Им воспользуются специалисты в области истории русского языка, преподаватели исторической грамматики в вузах, студенты, стремящиеся к углубленному познанию эволюции форм русского глагола. В ней они обнаружат не только богатейший, доныне не привлекавшийся в монографиях и статьях материал письменных памятников русского языка, весьма тщательно систематизированный и интерпретированный, но и обрисовку важнейших этапов эволюции основных грамматических явлений и форм русского глагола — одной из наиболее сложных, а вместе с тем и интересных частей речи в системе языка. Вышедшая книга, без сомнения, окажет благотворное влияние на курс Исторической грамматики русского языка в вузах.

Демьянов В. Г.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка XVIII века. Проект. Отв. ред. Сорокин Ю. С. Л., 1977, с. 3.
2. Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. Ред. Котков С. И., Сумкина А. И. М., 1967, с. 106, 124.
3. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. Под ред. Аванесова Р. И. М., 1966, с. 90—169.
4. Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. Сост. Геккер С. Ф. Подг. к изд. Романова Г. Я. М., 1975.
5. Демьянов В. Г. Опыт классификации древнерусского глагола старшего периода. — В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.
6. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, с. 196.
7. Шмелев Д. Н. Об одном случае реликтового употребления формы аориста в русском языке. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 287—290.
8. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. Котков С. И., Тарабасова Н. И. М., 1965, с. 46, 103.
9. Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подг. Тарабасова Н. И., Демьянов В. Г., Сумкина А. И. Под ред. Коткова С. И. М., 1972.
10. Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подг. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М., 1971, с. 41.
11. Вести-Куранты. 1642—1644 гг. Изд. подг. Тарабасова Н. И., Демьянов В. Г., Сумкина А. И. Под ред. Коткова С. И. М., 1976, с. 43.